

ТЗ(2)
В 748

ВОПРОСЫ
социально-политической
истории Сибири
(XVII – XX века)

Бахрушинские чтения 1997 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вопросы
социально-политической
• истории Сибири
(XVII – XX века)**

Бахрушинские чтения 1997 г.

Межвузовский сборник научных трудов

Новосибирск

1999

ББК Т 3(2)1-2+Т 3(2)7-2
УДК 947.06+947.07+947.08

Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII – XX века): Бахрушинские чтения 1997 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибир. гос. ун-т, Новосибирск. 1999. 199 с.

В настоящий выпуск ежегодника кафедры отечественной истории НГУ вошли статьи, рассматривающие проблемы изучения социально-политических процессов в Сибири в XVII - XX вв. Авторами являются преподаватели и аспиранты Новосибирского государственного университета, других сибирских вузов, научные сотрудники Института истории СО РАН.

Сборник предназначен научным сотрудникам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам, всем интересующимся сибирской историей.

Редакционная коллегия:

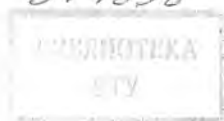
д-р ист. наук В.И. Шишкин (отв. редактор),

д-р ист. наук И.С. Кузнецов,

д-р ист. наук В.Л. Соскин,

канд. ист. наук А.С. Зуев,

А.А. Мышанский (отв. секретарь)

Т3(2)
В748

А.А. Бродников

**О событиях на Тугуре в 1684 году
(из истории русско-тунгусских отношений
в Нижнем Приамурье)**

Изучение документальных источников по истории Восточной Сибири XVII в., времени, когда процесс присоединения региона к Русскому государству еще не завершился, позволяет выявить не только существовавшие закономерности, но и особенности в присоединении каждого района, каждой территориально-этнической группы. Продвигаясь по таежным рекам от Енисея все дальше и дальше на восток, к Тихому океану, отряды казаков всюду встречали тунгусов, проживавших где-то обособленно, где-то попеременно с другими этническими образованиями.

Отмечая существенную разницу в степени сопротивления тунгусских родо-племенных групп при приведении их «под высокую государеву руку», служилые люди тем не менее не всегда понимали истинные причины этого, не ориентировались должным образом в потестарно-политической ситуации, связывая уровень воинственности тунгусов в разных районах, как правило, с их численностью.

Одним из таких, особенно «трудных» для казаков, районов стало междуречье Зеи и Нижнего Амура, в северной части которого, выходящей к Охотскому морю, протекают р. Тугур и Уда. Находясь на крайнем юго-востоке русских владений в Сибири, район этот был не более труднодоступным, чем, например, острожки на р. Оленек, Колыма и тем более Анадырь. Однако именно здесь почти сорокалетние попытки русских служилых людей закрепиться и объяснить местное население закончились безрезультатно.

Столкновение интересов Русского государства и маньчжурского Китая на Дальнем Востоке, начавшееся в середине XVII в., достигло апогея к 80-м гг. столетия: расширяя свои территории, два сильных государства, претендующих на доминирующую роль в регионе, вступили в конфронтацию не только на всей линии протяженности еще весьма условных границ, но и в районах потенциальных интересов.

Особенностью бассейна р. Тугур была отдаленность этой территории от основных центров и с той и с другой стороны. Тем не менее, в отличие от Китая, с которым левобережье Нижнего Амура имело эконо-

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Влияние русского военно-служилого населения на миграционные и межэтнические процессы у коренного населения таежной зоны Восточной Сибири в XVII веке», поддержанного РГНФ (№ 98-01-00357).

мические связи по крайней мере с начала XVII в., Россия уже в 50-е гг. XVII в. сделала серьезную заявку на включение бассейна Тугура в состав Якутского уезда, т. е. на административное присоединение территории.

В 1639 г. отряд томских и красноярских казаков во главе с Иваном Москвитиним, спустившись по р. Улья, вышел к Охотскому морю. Продвигаясь на юг, служилые через несколько недель дошли до устья р. Уда, где от местных тунгусов получили сведения о народах, проживавших по Амуру и его притокам, в том числе об амгунских тунгусах [1], сыгравших впоследствии значительную роль в неудачных действиях ясачных сборщиков в этом районе.

Для русских казаков и промышленных людей, активно принимавших участие в походах в «новые земли», применение силы в отношении аборигенов было делом обычным несмотря на регулярные напоминания из Сибирского приказа обходиться с «иноземцами» «приветом и ласкою» [2]. Однако реальная ситуация, когда ни местная администрация, ни центральные власти не могли повлиять на действия предприимчивых «охотников», приводила к фактической бесконтрольности [3].

Имея задачу максимального сбора пушнины с аборигенов, участники экспедиций стремились решать ее в минимальные сроки, не особенно задумываясь над средствами достижения цели. Поэтому применение силы было делом обычным, независимо от специфики каждого района, о чем, впрочем, участники походов вряд ли задумывались.

Злоупотребления как рядовых казаков и промышленных людей при «приведении» аборигенов «под государеву руку» и при сборе ясака, так и назначаемых в острожки приказчиков, вызывало пассивное (уход в другие районы) и активное (грабеж и убийство русских ясачных сборщиков, нападения на острожки) сопротивление [4].

Между тем тунгусы, с воинственностью которых русские столкнулись еще на Ангаре [5], на Охотском побережье оказывали гораздо большее сопротивление ясачным сборщикам, чем в других районах Восточной Сибири [6].

Уже поэтому сложно было говорить о достижении каких-либо больших успехов на всем побережье Охотского моря и левобережье Нижнего Амура. Сопротивление со стороны тунгусов не прекращалось и в 1677 – 1678 гг. вылилось в серьезное столкновение, когда тунгусы побили казаков, продвигавшихся в Охотский острог из Якутска и захватили государевы товары, продовольствие и вооружение. После этого погрома последовала осада Охотского острога объединившимися тунгусами разных родовых групп численностью до тысячи человек [7].

Возможность собрать одновременно до тысячи человек (по крайней мере со слов самих казаков) дает основание предполагать существо-

вание у них военных союзов, что, несомненно, увеличивало и возможности сопротивления [8]. Хотя имеется точка зрения, что сибирское население почти повсеместно выступало за сохранение российского подданства, «шатости» было немного и объяснялась она индивидуальными и сугубо частными причинами [9].

Межродовые войны, содействовавшие развитию у тунгусов военного дела и образованию военных союзов, велись и в Нижнем Приамурье, в том числе и незадолго до появления в этом районе русских [10].

Делая попытки обложить «инородцев» ясаком, казаки не особенно вникали в существовавшие у местного населения политические, торговые и иные связи, в то время как аборигены Приамурья и Охотского побережья посредством межплеменного обмена уже давно имели торговые связи с Китаем. Причем на юге эти отношения были выражены ярче, что, собственно говоря, не осталось незамеченным самими служилыми и сибирской администрацией [11].

Необходимо также отметить, что один из основных торговых путей тунгусов проходил как раз через этот район: с Амура по его левому притоку р. Горюн на р. Амгунь, далее к верховьям Тугура и нижнему течению р. Уда [12].

Наконец, серьезным фактором, повлиявшим на развитие взаимоотношений русских служилых и промышленных людей с аборигенным населением всего Приамурья, было давнее вхождение этой территории в сферу интересов и китайских подданных, и самого китайского государства [13], что давало основание «богдоевым людям» высказывать русским ясачным сборщикам претензии: «Почто де вы ходите в нашу землю к ясачным тунгусам?» [14].

Активная деятельность албазинских и якутских казаков в Приамурье и начавшееся административное присоединение территории в состав Русского государства заставили китайское правительство предпринимать действия и со своей стороны.

Таким образом, в междуречье р. Зеи и Нижнего Амура отряды казаков и «охочих» промышленных людей столкнулись сразу с несколькими проблемами, непонимание которых привело к потере Россией этой территории на долгое время: существованием давних торговых связей на уровне межплеменного обмена; экономическим и в определенной степени политическим влиянием Китая в районе; возможным существованием военных союзов у аборигенов. Непродуманная ясачная политика и злоупотребления участников походов явились катализатором процесса сопротивления, совпавшего с активизацией действий Китая на левом берегу Амура.

Что касается проникновения отрядов русских ясачных сборщиков на р. Тугур, то после уже упомянутого выше выхода отряда И. Москвитина к устью р. Уда в 1639 г. сбор ясака с тугурских тунгусов впервые был произведен в 1652 г. Иваном Уваровым, попавшим на Амур с отрядом Е. Хабарова [15]. Строительство Тугурского зимовья якутскими казаками было первым шагом в объясачивании местных тунгусов и серьезной заявкой России на левобережье Нижнего Амура.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что после выхода казаков к Уде и прежде чем были объясачены тугурские тунгусы, прошло более десяти лет несмотря на сравнительно небольшое для Сибири расстояние. Да и в последующие несколько лет ясак с тугурских тунгусов собирали возвращавшиеся с Амура служилые люди [16], хотя Тугурский острожек, надо полагать, был все же построен в 1652 г.

Тем не менее видимая регулярность сбора ясака с тугурских аборигенов была обманчивой: кроме давших ясак аманатов тунгусов Тугура, представлявших собой часть мокогиров (они же бирары), видимо, еще не попавших в зависимость от Китая, далее на Амгуни и Амуре жили негидальцы и гиляки, которые в отличие от первых представляли для ясачных сборщиков серьезную опасность. Во всяком случае, уже в 1658 г. стало очевидным, что отправление на Тугур служилых людей небольшими группами, как это практиковалось в Сибири, было опасно, а многочисленными – не выгодно. Между тем сбор ясака с тугурских тунгусов-мокогиров продолжался: часть из них платила ясак в зимовья на р. Мая [17].

В 1669 г. якутскому воеводе кн. И.П. Барятинскому пришлось обратить серьезное внимание на крайний юго-восток уезда – от тугурских тунгусов поступил сигнал о появлении в их местах китайцев, уже заявивших о своих правах на Приамурье. Как жаловались тунгусы, «богдойского царя люди приезжают и их всякими теснотами теснят и ясак с них емлют». Тугурские мокогиры не только проинформировали русские власти об опасности, но и просили защиты от китайцев: «... чтоб великий государь пожаловал их тунгусов, велел от богдойских людей оборонить» [18].

Однако несмотря на активизацию китайских действий в Приамурье, в том числе на левых притоках Амура, сибирская администрация принимает более или менее решительные действия только с конца 70-х гг. Именно тогда якутские казаки начинают действовать в этом районе более активно: в 1679 г. строится зимовье на р. Уде, в 1680 – 1681 гг. служилые люди выходят на р. Амгунь [19]. А в 1683 г. в документах вновь упоминается Тугурский острожек.

Надо полагать, восстановление Тугурского острожка являлось действием, направленным на закрепление русского влияния в тунгусской земле и на сдерживание претензий манчжурского Китая на этот район несмотря на общее обострение ситуации для России фактически на всем протяжении границ [20].

Что же касается взаимоотношений с Китаем, то к этому времени манчжуры, подавив сопротивление ханьцев, развязали себе руки для открытого военного вторжения на левый берег Амура – территорию, которую сибирская администрация уже считала русскими владениями. Военные действия 1683 – 1684 гг. завершились захватом Китаем бассейнов р. Зеи и Буреи. В результате возникла угроза для русских владений не только на Амуре, но и на побережье Охотского моря [21].

Несмотря на возникшие внешнеполитические проблемы казаки не только продолжали собирать ясак по всему левому берегу Амура, но и по-прежнему занимались «отловом» аманатов, вступая в вооруженные столкновения с коренным населением. События 1683 – 1684 гг. ярко демонстрируют непродуманные и рискованные действия служилых людей и их последствия.

В конце весны – начале лета 1683 г. из Албазинского острога вниз по Амуру отправилась группа ясачных сборщиков в количестве 29 казаков [22]. Отправка служилых людей произошла вполне официально, с соблюдением всех формальностей: для получения официальных полномочий казаки («Гаврилка Фролов с товарищи») подали коллективную челобитную нерчинскому воеводе Федору Воейкову, оказавшемуся в то время в Албазине: «... чтоб их отпустить из Албазинского на службу великих государей на Быструю и на Хамун реки (имеются в виду Бурей и Амгунь. – А.Б.), для призыву под самодержавную великих государей руку в ясачной платеж вновь неясачных иноземцов и для ясачнаго сбора».

Воевода дал свое согласие на организацию экспедиции и сделал соответствующее распоряжение албазинскому приказчику Ивану Войлошникову. Таким образом, получив наказную память, а вместе с ней и право сбора ясака, казаки и примкнувшие к ним «охочие» промышленные люди (что в условиях Восточной Сибири XVII в. было делом обычным) – 32 чел. – на трех дощаниках отправились в поход. Необходимо отметить, ясачные сборщики взяли с собой «для призыву в ясачный платеж неясачных иноземцев» подарки – «великих государей товарной казны», которую отправил с ними албазинский приказчик И. Войлошников «новопризывным ясачным иноземцом ... на жалованье»: пять аршин без четверти красного сукна, 40 огнив, 3 котла, 10 ножей. Не забыли захватить для этих целей, «великих государей на жалованье» и «своего това-

ру». Позднее, в Енисейске, они перечисляли среди своих товаров, отданных в качестве государева жалованья «иноземцам», 30 огнив, 2 топора, клещи малые, половина пуда олова в блюдах и тарелках, медный котел, 7 ножей и 4 якутских пальмы. Передачу тунгусам оружия объясняли тем, что «товарной казны великих государей на раздачу тем новоприборным иноземцом ... не достало».

Спустившись по Амуру до устья Буреи, они пошли вверх по течению до волока, где перешли на Амгунь. Как рассказывали впоследствии, в апреле 1685 г., енисейскому воеводе кн. Константину Осиповичу Щербатову Г. Фролов и некоторые из оставшихся в живых участников похода, на этих реках они привели в русское подданство «вновь» несколько родов «иноземцев», в числе которых были четелкогиры, шамагиры и дилкагиры [23]. Удалось взять шестерых аманатов и собрать ясак сразу за два года – за 191 и 192 гг. (1682/1683 и 1683/1684).

Выйдя на Амур к устью его левого притока р. Немилен, албазинцы встретились с якутскими ясачными сборщиками: отрядом из 66 чел. служилых и промышленных людей во главе с Дмитрием Мокрошубовым и Петром Меркушевым, которые, будучи отправленными из Якутска в Тугурское зимовье для ясачного сбора с якутским сыном боярским Петром Оксентьевым, пошли в «новые земли». Как и албазинские служилые люди, якутские казаки по своей инициативе отправились на Амгунь «для прииску и призыву новых неясачных иноземцев», получив при этом наказную память П. Оксентьева. Так же, как и в первом случае, к ним примкнули проживавшие в Тугурском зимовье «для своих соболиных промыслов» промышленные люди.

Албазинцы и якутяне решили объединиться и совершить совместный поход вниз по Амгуни, в район проживания еще не объясаченных негидальцев. Попытка вовлечь в ясачный платеж роды орильцев, тугочерцев и кидагирцев [24] мирным путем закончилась неудачно: как говорили албазинские казаки позднее в Енисейске, «иноземцы учинились непослушны». Единственным результатом стали три захваченных «из-за бою» аманата. А чуть позже в устье Амгуни, где проживали орильцы (они же оринцы) [25], участники похода захватили еще несколько пленных – «взяли за боем» «погромный ясырь». Позднее эти пленники были розданы ясачным тунгусам, проживавшим в верховьях Амгуни выше Дукинского зимовья – амкагирам, чипчагирам и торомканам [26].

Попытка взять с негидальцев ясак с помощью силы вызвала противодействие: «изменившие» обратились за помощью к другим родовым группам и уже сами попытались напасть на русских – «приходили на них, служилых и промышленных людей, войною». Для албазинцев и якутян это столкновение обошлось без потерь.

Не получив желаемого результата на Амгуни, ясачные сборщики решили вернуться на Амур и собрать пушнину с других родов – «с новых неясачных иноземцев». На этот раз объектом притязаний стали натки (предки нанайцев) и гиляки (нивхи) [27]. Однако натки и гиляки оказали еще более упорное сопротивление. В результате происшедшего боя русские потеряли убитыми восемь человек.

После событий на Амуре часть якутских казаков (14 чел.) делает попытку перейти в другой гарнизон. Обвинив тугурского приказчика сына боярского П. Оксентьева в злоупотреблениях, они, сходяв до Тугурского зимовья, забрали там пять амгуньских аманатов, взятых ранее, и попросили предводителя албазинцев Г. Фролова (подали челобитную) оставить их в Дукинском зимовье, построенном албазинцами и находившемся в верховьях Амгуни. Естественно, что Г. Фролов не стал возражать, но, чтобы придать делу законный характер, отправил в Албазин отписку с двумя казаками, вместе с которыми вызвались пойти якутские люди – четыре казака и один промышленный человек. Как выяснилось позже, по дороге в Албазин, на Бурею, они наткнулись на китайский отряд и все были убиты.

К этому времени якутские казаки разделились: 13 чел., не пожелавших оставаться с албазинцами, вернулись в Тугурское зимовье, а остальные служилые и все промышленные люди пошли вверх по Амгуни в Дукинское зимовье. Из Дукинского на Бурею для сбора пушнины с ранее объясаченных тунгусов Г. Фролов отправил четырех албазинских казаков, которых, как и прежних его посланцев, убили китайцы, но на этот раз у «богдойских людей» были союзники – бурейские ясачные тунгусы.

Далее ситуация обострилась еще больше. 15 октября 1683 г. «родники» тугурских аманатов, которых присоединившиеся к албазинцам якутские казаки перевезли в Дукинское зимовье, совместно с союзными им гиляками и натками пришли к устью р. Дуки. Численность нападавших казаки определили в триста человек – «ста с три и больше». В происшедшей стычке среди служилых и промышленных людей в очередной раз обошлось без потерь, но еще на подступах к зимовью «иноземцы» «побили» находившихся на рыбной ловле четверых албазинцев и двух якутян.

Пострадали и ясачные тунгусы, которым по приходу с низовьев Амгуни сборщики ясака отдали своих пленников «для прокормления»: их самих, вместе с полученным от русских ясырем, нападавшие забрали в плен.

Расспросные речи казаков в Енисейске не дают точных сведений о том, как долго «инородцы» стояли под зимовьем. Но можно предположить, что достаточно долго – среди осажденных начался голод, в резуль-

тате которого пять человек скончалось. Уход союзников из-под зимовья и снятие осады не особенно облегчили положение казаков и «охотников»: запасы продовольствия давно иссякли и надо было возвращаться в Албазин. Однако верные русским ясачные тунгусы сообщили, что путь по Амуру перекрыт китайцами, которые «вышли на Амур реку с войною» (что дает возможность предполагать, что уже была весна 1684 г.). Таким образом, в Албазин было не попасть, а оставаться в Дукинском становилось не только опасно, но и фактически уже невозможно, так как нападение могло повториться в любое время. Отсутствие же продовольствия не позволяло даже помыслить о возможности выдержать осаду. Оставалось уходить в Якутск.

Путь в Якутск лежал через Тугурское зимовье, расположенное по среднему течению одноименной реки. Там, на территории подведомственной якутским воеводам, Г. Фролов сдал свои полномочия тугурскому приказчику казаку Ивану Щепоткину, который к тому времени успел сменить прежнего приказчика сына боярского П. Оксентьева. Предводитель албазинцев во-первых, сдал под команду нового приказчика тех 13 якутских казаков, которые хотели за несколько месяцев до этого перейти в Албазин, во-вторых, под расписку были переданы аманаты: пять тугурских, которых якутские казаки привезли из Тугурского зимовья в Дукинское, и девять аманатов, захваченных албазинцами во время похода по Бурею и Амгуни. После этого можно было продолжать путь в Якутск, куда Г. Фролов «с товарищи» и отправились, выбрав до Удского острожка сухой путь.

Промышленных же людей, ходивших из Тугурского зимовья на Амгунь с якутскими казаками, И. Щепоткин попытался задержать «для малолюдства», словно чувствуя надвигающуюся опасность. Тем не менее четырнадцать из них все же покинули Тугурское зимовье, отправившись до Удского острога водным путем – «морем окияном в лодках», предполагая, что таким образом доберутся до острожка быстрее, чем албазинцы. Как рассказывали в Енисейске казаки, «что де чаяли, они итти до Удского острогу морем, сухаго пути ближе». Однако по приходе в Удский острожек албазинцы обнаружили, что якутские промышленные люди еще не пришли, и пока они там находились до своего ухода в Якутск, те так и не появились. Источники не дают нам сведений – погибли они во время плавания по Охотскому морю или вернулись обратно в Тугурское зимовье. Остальные якутяне (за исключением одного из промышленных людей, который все же пошел с албазинцами сухим путем до Удского острога) остались в Тугурском.

Таким образом, в результате похода 1683 г. по Амгуни и ее притокам албазинских и якутских служилых и промышленных людей корен-

ное население (негидальцы, натки, гиляки и возможно, тунгусы) оставалось в крайне возбужденном, воинственном состоянии, готовое к решительным действиям против русских, что было продемонстрировано нападением на Дукинское зимовье. Не следовало сбрасывать со счетов и китайцев, к тому времени уже хозяйничавших на Амуре.

Обращает на себя внимание численность находившихся в Тугурском острожке служилых людей. Как сообщил осенью 1684 г. в Якутск приказчик Удского острога казачий пятидесятник Герасим Цыпандин, в Тугурском острожке находилось 22 чел. служилых и 35 промышленных людей (текст отписки Г. Цыпандина приводится дважды в «Книге ясачного сбора Якутского уезда за 193 год (1684/1685 гг.)») [28], «которые остались от албазинских казаков от Ганки Фролова с товарищи».

Численность сборщиков ясака в зимовьях Якутского уезда обычно не превышала 7 – 10 чел. Экспедиция в 50 служилых и промышленных людей считалась большой [29]. Достаточно сказать, что при вышеупомянутой осаде Охотского острожка из Якутска на помощь осажденным был отправлен отряд в 60 чел. [30]. Таким образом, есть основания считать, что такая численность служилых и промышленных людей в Тугурском острожке не была случайной в 1684 г.: приказчик И. Щепоткин пытался хоть как-то обезопасить свое зимовье, а вместе с ним и всю отдаленную часть Якутского уезда.

После неудачной попытки захватить Дукинское зимовье и уничтожить русский отряд гиляки, натки и негидальцы вернулись в низовья Амура. Неизвестно, продолжали бы они или нет какие-либо активные действия против казаков, но именно летом 1684 г. у них появляется сильный союзник – китайцы.

Пребывание на Амгуни довольно большого русского отряда не могло не остаться неизвестным для уже хозяйничавших на Амуре и его приютах китайцев. Сведения они, несомненно, получали от бурейских тунгусов, да и попытка Г. Фролова отправить отписки в Албазин, перехваченные китайскими военными, определенным образом раскрыли замыслы казаков.

Поэтому в конце весны – начале лета 1684 г. против русского отряда на Амгуни китайскими властями организовывается целая экспедиция. Сведения об этом передала в Удский острог сбежавшая от тунгусов-бираров дочь удского тунгуса: «А на Хамун (Амгунь) де реку посланы на двух бусах богдойские люди к Ганке Фролову с товарищи». Она же предупредила жителей Удского острожка о грозящей им опасности: «сказывала: хотят де богдойские люди и бирярские тунгусы быть на Уд реку и Удцкой острожек и великих государей казну и аманатов взять, и служилых людей побить».

Есть в рассказе тунгуски еще одна интересная фраза о том, что «ныне де он Ганка силно с служилыми людми в Уцком в острошке сидит в осаде». По всей видимости, здесь имеется в виду осада отряда Г. Фролова в Дукинском зимовье, и указание на их осаду в Удском остроге является опиской (несколькими строками выше идет речь об угрозе Удскому острогу), так как ни в расспросных речах албазинских казаков, ни в отписках удских приказчиков об осаде Удского острожка ничего не говорится.

Как бы то ни было, известие об угрозе со стороны китайцев должно было если не напугать изрядно жителей Удского, то заставить их активно взяться за подготовку к нападению. Возможно, поэтому погруженный в свои заботы удский приказчик попросту не успел передать сведения об опасности в Тугурское зимовье. Тем более, как сказала тунгуска, нападение предполагалось именно на Удский острожек, а не на Тугурский.

Таким образом, как свидетельствует отписка Г. Цыпандин [31], нападение неприятеля на острог оказалось неожиданным для всех. Узнал о нем удский приказчик только в октябре 1684 г., когда, в сопровождении трех казаков и двух ясачных тунгусов пошел в Тугурский острожек для приема аманатов, которых туда привели албазинские казаки «с Хамуну реки» (Амгуни) и для «досмотру» острожка.

Из Удского вышли 2 октября. За день пути от Тугурского острожка ими был обнаружен убитый русский человек. Как писал Цыпандин в отписке, «и не дошед де он Гарасимко с служилыми людми до Тугурского острошку за день нашел на дороге убит руской человек». Было очевидным, что бежал убитый из Тугурского. Тем не менее удские посланники все еще не верили в самый худший исход: пройдя еще полдня пути и остановившись в удобном для отхода месте у устья впадавшей в Тугур речки, пятидесятник «далее того итти не посмел» и отправил на разведку («проведывать») казака Ивашку Чукчу с ясачным тунгусом.

Вернувшись через два дня, И. Чукча рассказал приказчику о том, что видел сгоревший острог: «Тугурский острожек выжжен весь и казаков и промышленных людей и аманатов никово нет». Спасти из острога никому не удалось. «А утеклецов де ис того острошку никово нет», — свидетельствовал Цыпандин. Неизвестным для удского приказчика оставалось и кто напал на острог. «А какие де люди тот острожек сожгли и казаков и промышленных людей побили, того де он Гарасимко не ведает и проведать подлинно не мог», — признавался приказчик в своей отписке.

Только вернувшись обратно, вспомнили, что бежавшая ранее от бираров дочь ясачного тунгуса сообщала о готовящемся нападении на сам Удский, после чего уже можно было выдвигать какие-то версии.

Но только сменившему Г. Цыпандину следующему удскому приказчику Андрею Омосову удалось получить более или менее точные сведения. (Текст его отписки приводится в «Книге ясачного сбора» вслед за текстом отписки его предшественника). Информация поступила от удского ясачного тунгуса князя Маляты Гургоктина, которому, в свою очередь, об этом рассказала «промышленных людей ясырка» тунгуска Серептынка. С ее слов, под Тугурский острожек приходили китайцы, гиляки и негидальцы с низовьев Аргуни: «Пот Тугурской приходили богдойские люди, и гиляки, и оритские, и ударские, и нашакагирские тунгусы». Но она подтвердила только, что нападавшие убили на рыбных промыслах из числа промышленных людей четырех человек. А вот кто именно напал на Тугурский острожек, Серептынка точно сказать не смогла, что и сообщил А. Омосов в своей отписке, которую 17 мая 1685 г. отправил из Удского острожка в Якутск: «А в Тугурском де служилых и промышленных людей какие люди побили и аманатов взяли и зимовье сожгли, того де ему та женка подлинно не сказала».

Численность выступивших в качестве союзников «богдойских людей» бурейских и амгуньских аборигенов была небольшой: около 100 мужчин-бираров и 45 негидальцев (уже упоминавшихся оринцев, ударцев и нашакагиров). Что касается более многочисленных гиляков (более тысячи мужчин), то вряд ли все они могли участвовать в этом походе. Скорее всего, в качестве союзников китайцев выступили участники зимнего нападения на Дукинское зимовье. Теоретически в этом случае общая численность аборигенов могла доходить до четырехсот человек, что на самом деле маловероятно. Более того, уже тогда, в 1685 г., у аборигенного населения района р. Уда сложилось мнение, что Тугурский острог был разгромлен китайцами: «чают де побили богдойские люди».

В окладной книге Якутского острога за 193 г. приводятся имена казаков, погибших в 192 г. (т. е. до 1 сентября 1684 г.), перечислено 33 чел. У каждого имени имеется приписка – «в 192 году убит иноземцами на реке Тугуре» [32].

Среди 87 чел. якутского гарнизона, выбывших со службы по разным причинам – «за старостью», «по увечью», умерших в разных острогах начиная с 1673 г. (запись с самой ранней датой: «Семен Дежнев во 181 году на Москве умер»), гибель казаков на Тугуре является самой массовой. Непонятной пока остается разница в численности погибших в Тугурском острожке казаков, приведенная в окладной книге и в отписке удского приказчика – 33 и 22 человека соответственно.

Как бы то ни было, в уничтожении Тугурского острожка, являвшегося отдаленным форпостом русских владений в Нижнем Приамурье, решающую роль сыграли китайцы. Таким образом, военные действия

первой половины 80-х гг. XVII в., проводившиеся правительством новой китайской династии на левом берегу Амура, не ограничивались бассейном р. Зеи и Буреи, но распространились дальше на восток, доходя почти до побережья Охотского моря.

Что касается сбора ясака с тугурских тунгусов, то еще в 1683/1684 г. из 115 чел. ясачных 93 в Тугурский острожек не явились и долг по уплате – «недоимка» – составил 166 соболей. А после уничтожения Тугурского острожка поступление пушнины из этого района практически прекратилось: за 1684/1685 г. из тугурских тунгусов только 7 чел. пришли платить ясак в Удский острог.

Местные власти прекрасно понимали не только бесполезность, но и опасность дальнейших попыток объясачивания населения амурского левобережья. Поэтому тогда же, в 1685 г., было решено оставшихся в ясачном платёже тугурских тунгусов закрепить за Удским острожком, а ясачную задолженность погасить, что и было отмечено в «Книге ясачного сбора Якутского уезда» [33].

Таким образом, не принимая во внимание существовавшие в Нижнем Приамурье особенности взаимоотношений между этническими группами и соседним Китаем, отряд ясачных сборщиков под предводительством Г. Фролова своими действиями окончательно настроил против русских коренное население Амгуни, которое при военной помощи китайских властей надолго вышло из сферы политического влияния Русского государства.

Примечания

1. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири. СПб., 1774. С. 379 – 380.

2. ДАИ. Т. II, С. 175, 270 и др.

3. РГАДА, ф. 214, оп. 4, ед. хр. 129, л. 163 – 182 и др.; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2, С. 216; Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 23 – 139; Бахрушин С.В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10; Бродников А.А. Алданские события 1639 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII – XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 46 – 51 и др.

4. ДАИ. Т. III. С. 175 – 176; Т. V. С. 336; Т. VI. С. 404; Т. X. С. 354 – 355; Бахрушин С.В. Пути в Сибирь в XVI – XVII вв. // Науч. тр. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 131; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 502, 509; Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.

5. Бродников А.А. Русско-тунгусские отношения в Среднем и Нижнем Пришарье в 20-е гг. XVII в. // Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск, 1994. С. 23 – 31.
6. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. С. 240 – 241, 248 и др.; Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири С. 106 – 124.
7. Сафронов Ф.Г. Русские на Северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 53.
8. ДАИ. Т. III. С. 332 – 342; Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII в. и их материалы о тунгусских племенах // Уч. зап. ЛШШ им. Герцена. Л., 1959. Т. 188. С. 190; Он же. Пешие тунгусы Охотского побережья в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. Новосибирск, 1966. С. 136.
9. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 136 – 137.
10. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 605.
11. ДАИ. Т. II. С. 258 – 260; Т. VII. С. 344 – 370; Т. VIII. С. 261 – 266; Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и Охотском побережье в XVII в. // Уч. зап. ист. фак-та ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1939. Вып. 5.
12. Степанов Н.Н. Межплеменной обмен ... С. 64.
13. ДАИ. Т. VI. С. 153 – 155; Т. VII. С. 370; Степанов Н.Н. Межплеменной обмен ... С. 68 – 69; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 510.
14. Бахрушин С.В. Русское продвижение за Урал // Науч. тр. М., 1955. Т. III. Ч. I. С. 155 – 156.
15. ДАИ. Т. III. С. 354 – 356.
16. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 513.
17. Там же. С. 513, 514.
18. ДАИ. Т. IV. С. 154.
19. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 514, 516.
20. Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980. С. 186 – 187.
21. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917) М., 1991. С. 79.
22. Текст документа об этих событиях, рассматриваемый здесь и далее, опубликован. См.: ДАИ. Т. XII. С. 96 – 101.
23. Б.О. Долгих определяет места их проживания в 80-е гг. XVII в. следующим образом: шамагиры (они же самагиры) – в бассейне Буреи; четелкогиры (алчакагиры) – в верховьях Амгуни и дилкагиры (нагачский род) – в бассейне р. Горюн (у Б.О. Долгих – Гарин), левого притока Амура. Общая численность взрослого мужского населения 180 чел. См.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 03, 605.
24. Общая численность взрослого мужского населения определяется в 125 чел. См.: Там же. С. 602 – 603.

25. Там же. С. 603.

26. Б.О. Долгих относит эти родовые группы к негидальцам и определяет их расселение по среднему и нижнему течению Амгуни, что, впрочем, подтверждается названием Чукчагирского озера. Но по рассказу казаков получается, что в первой половине 80-х гг. XVII в. амчагиры, чипчагиры и торомканы, если не проживали постоянно, то во всяком случае могли рассматриваться как обитатели района р. Дуки. Кроме того, муктыгиров, проживавших на Тугуре, Б.О. Долгих считал возможным применительно к XVII в. не включать в число негидальцев, хотя позднее они и слились с ними этнически. См.: Там же. С. 602 – 603.

27. Там же. С. 591.

28. РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 64, л. 472 – 473об, 612об. – 614.

29. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав ... С. 454 – 455.

30. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии ... С. 53.

31. Отписка его датирована 6 февраля 1685 г. См.: РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 64, л. 472.

32. Там же, кн. 65, л. 1 – 51об.

33. Там же, кн. 64, л. 473об, 614.

Приложения

Якутские казаки, убитые на Тугуре в 192 г. (1684 г.)

(указаны листы кн. 65 (РГАДА, ф. 214, кн. 65))

Женатые

1. Ивашко Григорьев	л. 16об.
2. Евдокимко Федоров	л. 17
3. Сенька Андреев	л. 22
4. Стенька Суздальцев	л. 25об.

Холостые

5. Афонька Антонов	л. 29
6. Ярофейко Гундырев	л. 30
7. Ивашко Щепоткин	л. 31
8. Агапитко Зуевых	л. 32об.
9. Васька Евсевьев Лалетовых	л. 33
10. Максимко Дорофеев Галахтионовых	л. 34
11. Ивашко Федоров Багатырев	л. 34об.
12. Петрушка Дмитриев Меркушев	л. 36
13. Демка Турахан	л. 36
14. Мишка Нифантьев Куртьянов	л. 36об.
15. Петрушка Нетесов	л. 37
16. Васька Семенов	л. 37
17. Микитка Пермяков	л. 37об.
18. Ивашко Пермяков	л. 38
19. Васька Галашев	л. 38об.

20. Ясунка Федотов Афонасьевских	л. 40
21. Петрушка Михайлов важенин	л. 40об.
22. Тихонко Юговых	л. 40об.
23. Педфедка Емельянов Муравьев	л. 44
24. Ивашко Меркурьев Кузнецовых	л. 45
25. Алешка Паларуков	л. 45
26. Сенька Григорьев Бузов	л. 45об.
27. Васька Кузьмин Сырорыбовых	л. 46
28. Софронко Васильев Южак	л. 46
29. Алешка Иванов Рыбников	л. 46об.
30. Ивашко Федоров Угреников	л. 47об.
31. Петрушка Остафьев Вычегжанин	л. 47об.
32. Савка Семенов Щепоткин	л. 48
33. Ганка Иванов Сорокин	л. 48